

ПРОЕКТ «СВЕТЛОГО БУДУЩЕГО» В ТВОРЧЕСТВЕ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

В статье рассматриваются эссе, статьи, декларации, стихи, поэма «Ладомир» В. Хлебникова, в которых получил воплощение Проект «светлого будущего», характеризуются заложенные в нем ценностные ориентиры, призванные определять движение человечества вперед. Концептуализация хлебниковской программы сопровождается выявлением особенностей образной системы и обновляемого языка.

Ключевые слова: русский космизм, универсальный гуманизм, свобода, мир, трудтворчество, природа, культура, мировой язык, Ладомир.

При изучении русского футуризма преимущественное внимание уделяется его эстетическим прорывам – обновлению жанровой системы, типа стиха, языка и стиля, самой техники искусства, и хотя отмечается присущий ведущим его представителям бунтарский пафос и устремленность в «новый мир», позитивная программа футуристов требует своей дальнейшей конкретизации. Наиболее важными в данном отношении являются идеи Велимира Хлебникова, получившие воплощение в его эссе, статьях декларациях и художественных произведениях.

Во многом отталкивался В. Хлебников от книги представителя русского космизма Н. Федорова «Философия общего дела», но утопические положения предшественника сопрягал с научными открытиями своего времени, тем самым представляя казавшееся невозможным как осуществимое, хотя и у него немало сверхфантастического. Еще до появления футуризма, в 1904 г., им написано эссе «Пусть на могильной плите прочтут...». Здесь идеи соборности, предполагающие мистическое единство людей в Боге, В. Хлебников распространял и на природу. Позднее в «Ладомире» (1920) он сформулирует:

Я вижу конские свободы И
равноправие коров [1, с. 289], –

что многим поначалу казалось смешным, абсурдным, хотя в поэтической форме утверждалась необходимость освобождения животных от эксплуатации их человеком. Заменить освобожденных от рабства должна была техника (что со временем и произошло: появились тракторы, комбайны и другие объекты «машинной цивилизации»).

Упоминаемое же эссе посвящено воображаемому ученому и мыслителю, который «боролся с видом и сорвал с себя его тягу. Он не видел различия между человеческим видом и животными видами и стоял за распространение на благородные животные виды заповеди и ее действия

“люби ближнего, как самого себя”» [1, с. 577], то есть заповеди Христа, прозвучавшей в Нагорной проповеди. «Он называл неделимых благородных животных видом своими ближними и указывал на пользу использования жизненного опыта прошлой жизни наиболее древних видов. Так, он полагал, что благу человеческого рода соответствует введение в людском обиходе чего-то подобного установлению рабочих пчел в пчелином улье, и не раз высказывал, что видит в идее рабочей пчелы идеал свой лично» [1, с. 577]. В. Хлебников напоминает, что пчелиный рой – это единое образование, можно сказать, единый коллективный организм, и разные типы пчел здесь предназначены для выполнения определенных работ, поддерживающих жизнь организма: одни собирают и приносят в улей пыльцу для «кормления», другие совокупляются, производя новое потомство, а пчелиная матка всем этим руководит. Но и «рабочие пчелы» у В. Хлебникова – не рабы, все основано в улье, на взаимной любви и общем деле, что видно из строк об ученоммыслителе: «Он высоко поднял стяг галилейской любви, и тень стяга упала на многие благородные животные виды» [1, с. 577]. Так же и человек должен более разумно, продуманно организовывать свои сообщества, стремясь к единению, во-первых, а памятуя о том, что человечество вписано в биосферу и не должно нарушать эту сбалансированную систему, призвано любовно и бережно относиться к миру природы и ее представителям, во-вторых. Человека ученый ориентировал вести себя по отношению к природе не как ее царь-владыка, а – как равный, по-братски: «Сердце, плоть современного порыва человеческих сообществ вперед, он видел не в князь-человеке, а в князь-ткани – благородном коме человеческой ткани, заключенном в известковую коробку черепа» [1, с. 577], – так характеризует автор интенцию ученого-мыслителя. Но при этом должен измениться сам человек, лучше (через науку) узнать природу и самого себя. В организации же человеческих сообществ человек-«князь» не должен подавлять человека-«смерда»; утверждается, что в основе этих отношений должна лежать христианская любовь. И далее – все более глубоко человеческий разум призван постигать мир, дабы выявить многообразные, часто невидимые взаимосвязи между существующим, установить свое родство с другими живыми существами и утвердить на Земле соборность всего живого. Поэтому у В. Хлебникова ученыймыслитель «вдохновенно грезил быть пророком и великим толмачом князь-ткани, и только ее. Вдохновенно предугадывая ее волю, он одиноким порывом костей, мяса, крови своих мечтал об уменьшении отношения, где ϵ – масса князь-ткани, а ρ – масса смерд-ткани, относительно себя лично. Он грезил об отдаленном будущем, о земляном коме будущего, и мечты его были вдохновенные, когда он сравнивал землю с степным зверком, перебегающим от кустика до кустика. Он нашел истинную классификацию наук, он связал время с пространством, он создал геометрию чисел. Он нашел славяний, он

основал институт изучения дородовой жизни ребенка. Он нашел микроб прогрессивного паралича, он связал и выяснил основы химии в пространстве. <...> Впрочем, он никому не навязывал своего мнения и, считая его своим лично, признавал священнейшее право всякого иметь мнение противных свойств» [1, с. 577].

В более позднем эссе «Утес из будущего» (1921–1922) В. Хлебников конкретизирует: «Человек отнял поверхность земного шара у мудрой общины зверей и растений и стал одинок: ему не с кем играть в пятнашки и жмурки в пустом покое, темнота небытия кругом, нет игры, нет товарищей» [1, с. 567]. Поэт не только называет представителей мира природы «товарищами» человека, но и настраивает на а-прагматический, бескорыстно-дружественный характер взаимоотношений с ними, что метафорически обозначено как игра – свободная активность, имеющая цель в себе.

Пока же, по В. Хлебникову, «человечество все еще зелень, трава, но не цвет на таинственном стебле» [1, с. 582] («Курган Святогора») – оно призвано восстановить связь со своими корнями: и природными, и национальными, дабы, объединяясь, пылало разноцветье, а не превратилось в один безликий ком.

Поскольку научно-техническому типу цивилизации более свойственна урбанизация, воссоздает В. Хлебников и вид городов будущего, чему посвящено эссе «Мы и дома», имеющие подзаголовок «Мы и улицетворцы. Кричаль» (1915).

Сразу же необходимо отметить, что при всей своей фантастичности хлебниковские города имеют тесную связь с природой. Во-первых, у него: “будто красивые” «современные города на некотором расстоянии обращаются в ящик с мусором. Они забыли правило чередования в старых постройках (греки, ислам) сгущенной природы камня с разреженной природой – воздухом (Казанский собор Воронихина), вещества с пустотой; то же отношение ударного и неударного места – сущность стиха. У улиц нет биения. Слитные улицы <где дома тесно пристроены друг к другу> так же трудно смотрятся, как трудно читаются слова без промежутков и выговариваются слова без ударений. Нужна разорванная улица с ударением в высоте зданий, этим колебанием в дыхании камня» [1, с. 596]. Также необходимо устранить «неразбериху окон», подробности «водосточных труб» (спрятать их), «мелкие глупости» узоров. «Современный доходный дом» В. Хлебников характеризует как «искусство прошлецов» (людей прошлого, устаревшего). Он «растет из замка», «но замки стояли особняком, окруженные воздухом, насытив себя пустынным, походя на громкое междометие! А здесь, сплюснутые общими стенами, отняв друг от друга кругозор, сдавленные в икру улицы, – чем они стали...? Не так ли умирают цветы, сжатые в неловкой руке...?»

[1, с. 596].

Но городская земля дорогая, сознает В. Хлебников; кто станет платить просто за природные участки земли, хотя уголки природы и будут очищать городской воздух? Допустим, ради общего блага на это пойдет преобразенный социум нового типа. Однако тогда город неимоверно разрастется, и им не очень удобно будет пользоваться, если от дома до места работы или отдыха человеку придется добираться 3 часа. Выход В. Хлебников видит в том, что город должен не расплзаться во все стороны, а расти вверх, то есть заполняться небоскребами, определенными их комплексами, связанными между собой. Причем основным местом массовых соборий, гуляний, праздников, должен стать не низ города, а именно верх – крыши, на которых следует разбить цветники, парки, сады, организовать места развлечений. Здесь больше свежего воздуха, и люди не будут дышать пылью, тогда как в нижнюю часть будут прибывать различные грузы, необходимые для обеспечения жизни горожан. Подъем вверх определенного типа подъемниками (правда, еще не эскалаторами и не лифтами) у В. Хлебникова предусмотрен. «...Город превратился в сеть нескольких пересекающихся мостов, положивших населенные своды на жилые башни-опоры» [1, с. 595–596] – так различные регионы города связаны друг с другом, а сами мосты одновременно представляют собой и определенные типы жилищ, висящих в воздухе. В отдаленные части города люди будут перемещаться на летательных аппаратах, садящихся на крыши и взлетающих с них. И называет людей будущего В. Хлебников летунами. Предусматривает автор и самостоятельный перелет по воздуху с помощью определенной, совсем легкой аппаратуры или допуская овладение людьми искусством левитации.

Дома города будущего видятся В. Хлебникову светлыми и праздничными, сделанными из бетона и стекла. Но они не должны быть совершенно одинаковыми, что вносит стандартизированное однообразие. Поэт предлагает множество типов домов новой формы. В том числе некоторые из них имеют форму опять-таки природных объектов. Писатель восклицает: «...зовем туда, где стеклянные подсолнечники в железных кустарниках, где города, стройные, как невод на морском берегу... будто они мир растений...» [1, с. 595].

Есть у В. Хлебникова и дом-тополь в виде узкой башни, «обвитой кольцами из стеклянных кают» [1, с. 599], а также дом-поле: «в нем полы служат опорой пустынным покоям, лишенным внутренних стен, где в живописном беспорядке раскинуты стеклянные хижины, шалаши, не достающие потолка, особо запирающиеся вигвамы и чумы; на стенах грубо сколоченные природой олени рога придавали вид каждому ярусу охотничьего становища; в углах домашние купанья. Нередко полы

подымаются один над другим в виде пирамиды» [1, с. 601]. Другие же формы домов, предлагаемые В. Хлебниковым, – это:

– дом на колесах в виде ящика из гнутого стекла или походной каюты, особенно подходящий для путешествий; параллельно возникнут и дома-основы в виде дерева с пустыми ячейками, куда путешествующий сможет внедрить свою комнату на колесах на временное пристанище, иначе будут заставлены все улицы и мосты, возникнут пробки;

– дома-мосты: отличный обзор вокруг;

– подводный дворец (для «говорилен», то есть собраний) – стеклянный, вокруг плавают рыбы, растут водоросли;

– дом-пленка, натягивающаяся между башнями; удобен для лечебниц, гостиниц с временно проживающими;

– дом-шахматы: пробелы-пустоты для последующего заполнения путешествующими располагались здесь в шахматном порядке;

– дом-волос: железная игла и 3 (или больше) вьющихся от нее домов-волос;

– дом-качели: между заводскими трубами привешивалась цепь, а на ней крепились дома – для мыслителей, моряков, будетлян;

– дом-чаша: железный стебель поднимает на себе стеклянный купол из 5-6 комнат; особняк для ушедших от земли;

– дом-труба: лист, свернутый в трубку с широким увором внутри, брошенный водопадом; – дом-книга.

В общем, это не «дома-крысятники» и не «ящики для мусора», а произведения искусства, расположенные на улицах.

Согласно В. Хлебникову, в мире будущего будет разрабатываться сразу план всего города, а это под силу и по средствам братским общинам.

Строительство же незапроектированных, частных домов предполагается разрешать лишь в определенных местах за городом.

В стихотворении «Город будущего» (1920) В. Хлебников именуется преображенный город «Солнцестаном» – все в нем переполнено светом, сияет, радуется глаз и душу искусством зодчества. В стихотворении «Москва будущего» (1921) столица будущего названа «крылатым селом», так как над ней летают «горницы» (квартиры) прибывших из других мест и заполняющие «пустые остовы и соты» предназначенных для этого строений. Аналогична архитектура и других городов. Так, у В. Хлебникова

Дворец для лени подымал
Стеклянный парус полотна.

Он подымался над Окой,

Темнея полыми пазами
[1, с. 162],

Квартиры не строятся и не обустраиваются заново, а просто перемещаются куда нужно. В этом проступает и идея полета, приближения к себе неба, освоения новых горизонтов.

Автор будит фантазию читателей, нацеливает на обновление городской среды, и кое-что из предложенного им свыше столетия назад, уже стало реальностью.

Кроме того, позволяющими осуществить единство факторами, В. Хлебников считает железные дороги (это тоже дома на колесах), а их в начале XX столетия было совершенно недостаточно, чтобы связать между собой территории России («Ряв о железных дорогах», 1913). Планирует В. Хлебников и появление подземных и подводных дорог; развитие авиасообщения; морские же суда у него могут и плыть, и передвигаться по степным местам на колесах.

Прогнозирует писатель и появление новых средств коммуникации, знакомящих людей с происходящим в стране и мире. У него это радио, вещающее по всей стране, видеоизображения через видеопроектор на стенах домов, на ночном небе и даже на облаках, проецируемые в публичных местах для широких масс (В. Хлебников их называет «тенекниги»). В каком-то смысле это прообраз будущего Интернета, призванного, по В. Хлебникову, объединять людей. Вот как он описывает подобную коммуникацию в «Лебедии будущего» (1918): «На площадях, около садов, где отдыхали рабочие или творцы, как они стали себя называть, подымались высокие белые стены, похожие на белые книги, развернутые на черном небе. Здесь толпились толпы народа, и здесь творецкая община, тенепечатью на тенекнигах сообщала последние новости, бросая из блистающего глаза-светоча нужные тенеписьмена. Новинки Земного Шара, дела Соединенных Станов Азии, этого великого союза трудовых общин, стихи, внезапное вдохновение своих членов, научные новинки, извещения родных своих родственников, приказы советов» [1, с. 614].

Поскольку «Лебедия будущего» написана уже после совершения Октябрьской революции, прогнозируется и создание конфедерации Соединенных Станов Азии – объединения в ней трудовых общин Евразии. «Деревня стала научной задругой, управляемой облачным пахарем» [1, с. 615]: облакоходы «боронили поля прикрепленными к ним боронами», неболеты, подобно лейками, орошали «пашню искусственным дождем» [1, с. 614–615], в общем, техника вытеснила тяжелый крестьянский труд – все, что можно, автоматизировано. «Грозоходы, коньки и парусные сани соединяли села. Каждый ловецкий поселок обзаводился своим полем для спуска воздушных челнов и своим приемником для лучистой беседы со всем

земным шаром» [1, с. 615]. Культурное и техническое отставание деревни от города у В. Хлебникова преодолено.

«Крылатый творец твердо шел к общине не только людей, но и вообще живых существ земного шара» [1, с. 615]; «Было поставлено правилом, что ни одно животное не должно исчезнуть» [1, с. 615], – далеко забегая вперед, прогнозирует автор «Лебедии будущего».

Научились люди будущего и производить новые виды еды вместо убиения животных, так что проблема голода была устранена.

Союз приобретателей сменился в мире будущего союзом изобретателей. Таких людей В. Хлебников называет – «творяне» (от слов «творить» + «дворяне»).

Вообще для обозначения новых явлений В. Хлебников активно использует и новые слова. Процент окказионализмов у него значителен. Таковы, например, «Неувяда», «Людостан», «Ладомир», «творяне», «могатырь», «могатство», «могучи», «летуны», «радиоклубы», «законоречь», «скорословарь», «тенепечать», «тенекниги», «тенеписьмена», «числаборцы», «кричаль», «житеул», «градоулы», «улицетворцы», «замкоулицы», «улочертоги», «дворцеул», «Солнцестан», «грозоходы», «облакоходы», «небоходы», «неболеты», «будетляне», «Трудомир» и др.

В декларации «Художники мира!» (1919) выдвигается задача создания нового письменного языка, общего «для всех народов третьего спутника Солнца». «Пусть один письменный язык будет спутником дальнейших судеб человека и явится новым собирающим вихрем, новым собирателем человеческого рода» [1, с. 621], – провозглашает В. Хлебников, предпринявший и попытки создания подобного («заумного») языка, новой азбуки, «гаммы будетлянина». Этот язык понесет с собой новые ценности и новые законы: подлинно человеческие.

В декларации «Всем! Всем! Всем!» (1920-21) В. Хлебников призывает раз и навсегда отменить войну. Защищаемые – от противного – ценности – мир и гуманность.

В поэтической форме написано «Воззвание Председателей земного шара» (апрель 1917), а к числу каковых относил В. Хлебников и себя, собственно и придумав это звание.

От лица людей будущего поэт обличает развязавших Первую мировую войну с ее водопадами крови, клеймит современные государства, каковые кормятся людьми, характеризуя их как торговые дома «Война и К^о», приравнивая к людоедам. Им адресуется презрительный риторический вопрос, за которым стоит обвинение в бесчеловечности невиданных масштабов:

Если вы, о государства, прекрасны,
Как вы любите сами о себе рассказывать

И заставляете рассказывать о себе
Своих слуг,
То зачем эта пища богов?
Зачем мы, люди, трещим у вас на челюстях
Между клыками и коренными зубами?
[1, с. 610].

И В. Хлебников обращается к человечеству с укоризной: почему оно терпит происходящее:

Прилично ли Господину Земному Шару
(Да творится воля его)
Поощрять соборное людоедство?
[1, с. 611].

Человек, согласно поэту, тоже государство:
двурукое государство
Шариков кровяных и тоже соборен,
[1, с. 611], –

и он нуждается в защите. Таким образом, ценность человеческой жизни высоко поднимается, что оттеняет антигуманизм посягающих на нее государств-людоедов. Созданные ими законами тоже людоедские, если допускают все новые бойни, перемалывающие миллионы людей. От своей привычки пожирать друг друга нацеленные на прибыль и расширение своего господства государства просто так не откажутся, предупреждает В. Хлебников: они готовы проливать кровь и бунтарей – предостерегающе щелкают зубами и делают прыжки, запугивая недовольных и несогласных. Значит, это государства первобытно-исторической дикости, свое отжившие и терпеть их существование на Земном Шаре больше невозможно. В. Хлебников заявляет:

Мы так же хладнокровно относимся
К замене ваших государств
Научно построенным человечеством,
Как к замене липового лаптя Зеркальным
заревом поезда
[1, с. 613].

Другими словами, поэт призывает к смене устаревших общественнополитических систем новыми, несущими благо человеку, действующими в его интересах. У В. Хлебникова и таких же, как он, –

особый вид оружия: слово, и это слово-знамя, которое должно поднять на борьбу:

Перерезанное красной молнией
Голубое знамя безволода,
Знамя ветреных зорь, утренних солнц
Поднято и развевается над землей, Вот
оно, друзья мои! И подпись:
Правительство земного шара
[1, с. 613].

И в других случаях В. Хлебников насыщает поэтическую ткань своих произведений публицистическими призывами, воспламеняющими чистые сердца.

Неудивительно, что поэт приветствовал Октябрьскую революцию в России, воспринятую как начальный акт сокрушения власти государствлюдоедов и «первые дни человечества» [1, с. 137] («О свободе», 1918, 1922); «Праздник труда», 1920; «Новруз труда», 1921; «Союзу молодежи», 1921 и др.).

Прибегая к метафорической условности, в стихотворении «Я и Россия» (1921) В. Хлебников показывает, что радуется каждый атом его тела, а сам он – свободное государство, сбросившее сковывавшие его путы:

Россия тысячам тысяч свободу дала.
Милое дело! Долго будут помнить про это. А
я снял рубаху,
И каждый зеркальный небоскреб моего волоса,
Каждая скважина
Города тела
Вывесила ковры и кумачовые ткани
[1, с. 149].

Далее выясняется, что лирический герой, как бы следуя примеру России, полностью освобождается от одежды, подставляя себя Солнцу, воздуху, свежему ветерку.

Ощущение общей радости сопровождает, как можно понять, мысль о том, что и каждый должен дать себе свободу сам – освободиться от сковывающих человека привычек. В данном случае отстаивается нудизм, для России непривычный, но давно прижившийся на пляжах, например, Германии. Обнаженный человек у В. Хлебникова полнее сливается с природой, дышит каждая клетка его тела, и загар ровный, без белых полосок

на незагоревших местах. Это как бы один из примеров того, что с себя нужно сбросить груз прошлого.

Я-государство уравнивается с Россией, указывая тем самым, что каждый индивид должен быть для России такой же ценностью, какой и она сама для русского человека, и связывает их у В. Хлебникова соединительный союз и.

В поэме «Ладомир» (1920, 1921) – ярком явлении революционноромантической поэзии – в условном виде отражена борьба с миром угнетения, победа революции, мечта поэта об объединении людей в “единую общину земного шара” – Людостан. Это, по представлениям В. Хлебникова, будет «ладный мир», что отражает заглавие.

Размах событий передает космическая образность:

Хватай за ус созвездье Водолея, Бей
по плечу созвездье Псов!
[1, с. 281].

Пришедшая свобода «материализуется», наделяется обликом женщины, имплицитно отсылающей к картине Э. Делакруа «Свобода на баррикадах», но – с русским, даже фольклорным именем:

Идет свобода Неувяда,
Поднявши стяг рукою смело
[1, с. 287], –

что указывает на русскую революцию.

Но В. Хлебников надеется и на мировую революцию и сокрушение зла на всей земле, что подчеркивают варьируемые (по сравнению с процитированной) строки:

Свобода идет Неувяда
Пожаром вселенской души
[1, с. 289], –

опять вторгается космический размах.

Утвердится, согласно В. Хлебникову, демократия – власть перейдет к народным массам, трудящимся:

...числу, в понимании хаты, Передается
правительств узда
[1, с. 289].

Труженики представлены у В. Хлебникова как новая аристократия: они не просто получили власть, но реализуют свои дела как творчество:

Это шествуют творяне,
Заменивши *Д* на *Т*,
Ладомира соборяне *С*
Трудомиром на шесте
[1, с. 281].

Значит, наряду со свободой и демократией воспевается и такая ценность как труд, причем труд-творчество.

Мысленно переносясь в будущее, автор прогнозирует, что совершат свободные люди-творцы на планете. Будут отменены деньги, так что, пишет В. Хлебников,

...будет некому продать
Мешок от золота тугой
[1, с. 283], –

деньги больше не будут восприниматься как главная в жизни ценность, поскольку каждый и так сможет получить от общества все необходимое.

Неравенство и горы денег, –
внушает В. Хлебников:

Заменил песней современник
[1, с. 292].

На помощь людям-труженикам придут машины:

Весною ранней облака
Пересекал полетов знахарь,
И жито сеяла рука, На
облаках качался пахарь
[1, с. 291].

Над городами построят (раздвижной) стеклянный купол-потолок, защищающий от снега и дождя:

Из звездных глыб построишь кровлю –
Стеклянный колокол столиц
[1, с. 290].

Устаноятся христианские, соборные отношения с миром природы;
человек

приютит посла коней
В Остоженке, в особняке Волконского
[1, с. 289], –

что возрождает идею русских космистов о наличии зачатков разума у животных и возможности его развития, прерванного в свое время завоеванием Земли человеком. Но у В. Хлебникова также

... будет липа посылать
Своих послов в Совет верховный
[1, с. 283], –

дабы согласовывать с людьми экологические проблемы – буквализируется экологический посыл.

Вся предшествующая культура, убеждает поэт, станет достоянием трудящихся, через творения авторов разных национальностей сближая людей:

Где Амур целует Маа-Эму,
А Тиэн беседует с Индрой,
Где Юнона с Цинтекуатлем
Смотрят Корреджио
И восхищены Мурильо
[1, с. 288].

Будет создан универсальный («звездный») язык, способствующий единению человечества, да и вообще разумных существ Вселенной:

Лети, созвездье человечье, Все
дальше, далее в простор,
И перелей земли наречья В
единый смертных разговор
[1, с. 283].

Восторжествует в отношениях между странами и народами любовь, а ненависть исчезнет навсегда:

Где Волга скажет «лю»,

Янцекянг промолвит «блю»,
И Миссисипи скажет «весь»,
Старик Дунай промолвит «мир»,
И воды Ганга скажут «я»,
Очертит зелени края Речной
кумир.

<...>

Язык любви над миром носится И
Песня песней в небо просится
[1, с. 285].

Объединенное человечество, чрезвычайно усилившись в научноисследовательском отношении, начнет осваивать космос, причем возможен и вариант превращения самой Земли в управляемый космический корабль, на котором отправятся в просторы Вселенной:

Ты прикрепишь к созвездью парус,
Чтобы сильнее и мятежнее Земля
неслась в надмирный ярус
[1, с. 290].

Поэма проникнута духом дерзости, порыва, оптимизма, уверенности в том, что свободным людям по плечу самые грандиозные задачи. Любовь к познанию, открытиям, изобретениям – творчеству в широком смысле слова позволит добиться всего:

Черти не мелом, а любовью, Того,
что будет, чертежи.
И рок, слетевший к изголовью, Наклонит
умный колос ржи
[1, с. 293].

Нужно отметить, что, хотя В. Хлебников пишет о будущем, он часто использует глаголы в форме прошедшего времени, как бы подтверждая: самые невероятные дерзания исполнимы.

В «Ладомире» поэт суммировал, сконцентрировал идеи, разбросанные в разных его эссе, статьях, декларациях, стихах, и такая насыщенность усиливает воздействие произведения. В сущности, В. Хлебников дал проект «светлого будущего», снабжая современников оптимистической перспективой.

Трудно сказать, в какое столетие или тысячелетие будущего заносили поэта мысль и фантазия. Современному человеку нетрудно заметить в

хлебниковском проекте печать утопизма. Однако не может не поражать, сколь многое поэт предугадал. Это:

- идея необходимости объединения расколотого человечества, предваряющая глобализацию (правда, у В. Хлебникова осуществляющуюся на братских началах);

- убежденность поэта в перспективности научно-технического прогресса (ср. отрицательной его оценкой в те же годы экспрессионистами);

- дерзкие градостроительные проекты – дома-книги и мобильные дома уже существуют;

- идея «уравнивания в правах» человека и природы, опережающая появление экологического движения;

- идея массовой коммуникации посредством использования новых технологий;

- «тенекниги» – прообраз Интернета;

- утверждение необходимости развития креативно-творческих способностей человека, превращения труда в творчество – на креативность сегодня большой спрос;

- идея выхода человечества в космос, уже начавшая осуществляться.

Отчетливо проступают у В. Хлебникова такие ценности, как мир, свобода, всеединство, универсальный гуманизм, как никогда актуальные для нашего времени.

Актуально и стремление поэта повысить роль литературы в жизни общества посредством воплощения в ней новых проектов существования, восходящее к посланию Н. Федорова в «Философии общего дела» и впервые в русской литературе реализованное.

Далеко не все, прогнозировавшееся В. Хлебниковым, сбылось. Но это – судьба всех без исключения исторических проектов, в том или ином отношении тем не менее влиявших на движение человеческой цивилизации вперед. А вот ответ В. Хлебникова своим ругателям, обращенный и в будущее: «...мы улыбнемся и покажем рукой на солнце: “Поволоките его на веревке для собак, судите его вашим судом судомоек...”» [1, с. 544].

Незадолго до смерти поэт написал:

Мой белый божественный мозг

Я отдал, Россия, тебе: Будь

мною, будь Хлебниковым

[1, с. 149], –

дерзай, твори, живи высокими целями, соотноси день сегодняшний с идеалом будущего, дай людям вдохновение и надежду, свети, как Солнце.

И раз В. Хлебникова читают, значит, он стал неотъемлемой клеткой России, нашел приверженцев и в других странах.

Библиографический список

1. Хлебников, В. Творения / В. Хлебников. – М.: Сов. писатель, 1986. – 736 с.